

Горы за горами, воды за водами, даже самые красивые пейзажи могут легко превратиться в пустынные земли.

Чтобы не причинять больше вреда невинным, Бай Цзиншу и двое его спутников бродили по отдаленным горам, лишь изредка заходя в город за едой или припасами.

Итак они добрались до озера на равнине, чтобы отдохнуть. Наконец-то они были свободны от окружающих гор, и открытое пространство немного облегчило их усталость.

Е Лихэнь, чьи раны наконец-то начали заживать, не спросил разрешения и даже не предупредил, прежде чем начал раздеваться у озера, чтобы искупаться.

Зная, что Е Лихэнь уже давно как следует не мылся, Бай Цзиншу не смог найти повода остановить его и быстро увел своего дядю прочь.

После того, как Е Лихэнь закончил мыться, Бай Цзиншу снова отвел его подальше от своего дяди и, как обычно, принялся обрабатывать его раны лекарствами.

Рана от меча, которая медленно заживала из-за наложения друг на друга повреждений, чудесным образом начала быстро заживать в последние дни.

Ежедневно осматривая рану, Бай Цзиншу не мог не удивляться, когда накладывал лекарство:

— Как твоя рана так быстро зажила за последние несколько дней?

— Лекарственный порошок, который я попросил тебя добавить, творит чудеса при заживлении ран. — ответил как ни в чем не бывало Е Лихэнь.

Услышав это, Бай Цзиншу посмотрел на порошок в своей руке, который Е Лихэнь дал ему, предположительно, для ускорения регенерации кожи и удаления шрамов.

— Значит, этот порошок не только удаляет шрамы, но и заживляет раны?

— Да.

— Тогда почему ты не воспользовался им раньше?

— Я же говорил тебе, что от этого лекарства у тебя чешется и болит голова. Я бы предпочел его не использовать.

— Но разве незаживающая рана тоже не болит?

— Не так сильно, как при использовании этого лекарства.

Рука Бай Цзиншу внезапно замерла, когда он накладывал лекарство. Он снова осмотрел почти зажившую рану.

— Твоя рана, вероятно, могла бы зажить сама по себе без лекарства. Если это действительно больно, может быть, нам стоит прекратить его использовать?

— Но разве ты не говорил, что было бы стыдно оставить шрам? — оглянулся на Бай Цзиншу Е Лихэнь.

Бай Цзиншу действительно считал, что было бы жалко, но ему было невыносимо видеть, как Е

Лихэню больно.

— Мужчина с парой шрамов выглядит более мужественным.

— Тогда давай перестанем пользоваться лекарствами. Это больно. — на мгновение задумался и кивнул Е Лихэнь. Он небрежно сменил тему. — Кстати, у твоего дяди есть какие-нибудь шрамы?

Этот вопрос лишил Бай Цзиншу дара речи.

— Тебе не кажется, что ты слишком беспокоишься о моем дяде? — через некоторое время сказал он.

— Я просто думаю, что он очень мужественный, поэтому мне интересно, много ли раз он оказывался на грани жизни и смерти.

— Разве не все в мире боевых искусств каждый день живут на грани? — вздохнул Бай Цзиншу, с серьезным видом накладывая повязку.

— Никто не хочет умирать. Если это так, то почему бы всем просто не разойтись по домам и жить хорошей жизнью?

Вопрос Е Лихэня казался наивным, но в нем было столько смысла, что Бай Цзиншу не знал, что ответить.

— Я тоже думал об этом. Раньше мира боевых искусств не существовало, так что, если бы он не появился, разве жизнь каждого была бы не лучше?

— У тебя что, сейчас не все в порядке в жизни? — на мгновение задумался Е Лихэнь.

— Не совсем. — покачал головой Бай Цзиншу. — Хотя бродяжничать тяжело, я могу путешествовать, встречаться с большим количеством людей и получать больше впечатлений. — в этот момент он не мог не подумать, что если бы не это, он бы не встретил Е Лихэня. — В целом, моя жизнь сейчас гораздо интереснее, чем заниматься фермерством дома.

— Я бы предпочел остаться дома и заниматься фермерством. — задумчиво сказал Е Лихэнь.

Это проявление его любви к фермерству рассмешило Бай Цзиншу:

— Ты, наверное, даже не знаешь, как выглядит рис. Ты умеешь выращивать рис?

— Нет ничего, чему бы ты не смог научиться, кроме недостатка решимости. — сказал Е Лихэнь, а затем беспечно добавил. — Кроме того, я знаю, как выглядит рис.

Бай Цзиншу, сдерживая смех, искренне поинтересовался:

— Откуда ты знаешь?

— У моей семьи есть картина Хань Хуана времен династии Тан «Пахотный вол», на которой изображено рисовое поле, на котором осенью собирают урожай.

— Так ты даже знаешь, как выглядит вол! — Бай Цзиншу сделал вид, что впечатлен.

— Я также знаю, что ты дразнишь меня, и я знаю, как бить людей.

— Когда ты угрожаешь кому-то, тебе нужно выглядеть свирепым и разгневанным. То, что ты так спокоен, не имеет никакого воздействия. — серьезно посоветовал Бай Цзиншу.

— Я не хочу причинять тебе боль. — Е Лихэнь был равнодушен.

— У тебя хороший характер или плохой? — Бай Цзиншу позабавил его мягкий тон.

— Моя мама говорила мне сохранять спокойствие, потому что, когда я злюсь, я теряю рассудок.

Если бы кто-то другой использовал фразу «моя мама сказала», чтобы выразить свое мнение, Бай Цзиншу счел бы его нерешительным и инфантильным. Но когда Е Лихэнь сказал это так прямо, это прозвучало на удивление убедительно.

— Ты когда-нибудь совершал что-нибудь неразумное? — спросил Бай Цзиншу.

Е Лихэнь колебался, прежде чем ответить, показывая, что не уверен, стоит ли ему говорить. Через некоторое время он, наконец, признался:

— Я убил кое-кого.

Бай Цзиншу был несколько удивлен, но, с другой стороны, это можно было себе представить. Несмотря на свой юный возраст, поведение Е Лихэня не было похоже на поведение наивного ребенка.

— А ты когда-нибудь убивал кого-нибудь? — тихо спросил Е Лихэнь, когда Бай Цзиншу не знал, что ответить.

Бай Цзиншу никогда никого не убивал. Он сталкивался с кровожадными злодеями и мелкими воришками, но в лучшем случае он мог искалечить их боевые искусства или сломать им конечности.

Лишение жизни не было тем героическим поступком, который описывают в рассказах о чайных домах. Бай Цзиншу не убивал, пока было пространство для маневра.

Это был его принцип, и он не поступался им.

Однако, когда Е Лихэнь спросил его об этом с оттенком замешательства и беспокойства, Бай Цзиншу инстинктивно кивнул:

— Кто в мире боевых искусств не обагрят свои руки кровью? Главное, чтобы ты мог смотреть в глаза небу и своей совести.

Е Лихэнь долго наблюдал за Бай Цзиншу, затем смягчил тон:

— Ты никого не убивал.

Бай Цзиншу больше не стал этого отрицать. Он понял, что не сможет обмануть Е Лихэня.

Взгляд Е Лихэня смягчился, когда он повернулся обратно к озеру и небрежно сменил тему:

— Мы вот-вот доберемся до горы Жэньван. Все ли твои соученики там?

Бай Цзиншу беспокоился, что Е Лихэнь может спросить что-то вроде «женат ли твой младший

брат?» поэтому он заранее объяснил:

— Несколько моих младших братьев и моя третья и самая младшая сестры уже покинули горы. Однако мои пятый и седьмой младшие братья все еще должны быть там, а мой второй младший брат остался на горе, чтобы обучать учеников. Мой второй младший брат женат, а у моего седьмого младшего брата, как сообщается, с рождения есть невеста.

Е Лихэнь не смог удержаться от улыбки, приподняв бровь, глядя на Бай Цзиншу:

— Значит, твой пятый младший брат еще не женат?

— Я знал, что тебе это будет интересно. — с улыбкой вздохнул Бай Цзиншу.

— Меня не волнует женитьба твоего пятого младшего брата. — пояснил Е Лихэнь.

— Неужели мой пятый младший брат не так хорош, как два брата Линь Лин? — полушутя спросил Бай Цзиншу.

— Не знаю. Я с ними не встречался. — серьезно задумался Е Лихэнь.

— Но ты скоро познакомишься с моим пятым младшим братом. — сказал Бай Цзиншу, с легкой улыбкой вспоминая своих младших братьев, которых он давно не видел. — Мой пятый младший брат довольно интересный, и ученик моего второго младшего брата тоже забавный. Он примерно твоего возраста, хотя я сомневаюсь, что вы двое поладите.

— А почему бы нам не поладить?

— Тебе нравится копать червей?

Е Лихэнь тут же презрительно нахмурился, приняв решение:

— Как только мы доберемся до горы, я просто останусь с тобой.

— Тогда я поведу тебя ловить воробьев. — рассмеялся Бай Цзиншу.

— Ваша школа Жэньван обычно занимается такими легкомысленными делами? — искоса взглянул на него Е Лихэнь.

— Ты не видел, каково это, когда моего наставника нет рядом. Это то, что ты назвал легкомыслием.

— Что ты делаешь, когда твоего наставника нет рядом?

— Дай мне три игральных костей, и я смогу бросить три шестерки по своему желанию. Я практиковался в этом, когда был маленьким, потому что мой наставник часто спускался с горы. С тех пор я выиграл бесчисленное количество карманных денег у своих младших братьев.

— Что такое игральные кости? — слегка нахмурившись, спросил Е Лихэнь.

Этот вопрос поставил Бай Цзиншу в тупик.

— ...Ты не знаешь, что такое игральные кости?

— У моей семьи нет картин с ними.

Рассуждения Е Лихэня были настолько логичными, что Бай Цзиншу тоже счел их разумными. Однако он снова задумался:

— Разве у вас дома никто не играет в азартные игры на Новый год? —

— Мы не празднуем Новый год. — без колебаний ответил Е Лихэнь.

Бай Цзиншу почувствовал укол грусти. Хотя он покинул дом в юном возрасте, он всегда весело проводил время на горе Жэньван в новогодние праздники.

— В будущем я возьму тебя с собой праздновать Новый год. — тихо сказал Бай Цзиншу после минутной паузы.

Услышав это, Е Лихэнь, после недолгого изумления, слабо улыбнулся. Возможно, из-за того, что улыбки были такой редкостью на этом лице, Бай Цзиншу эта улыбка показалась особенно яркой, и он не мог не почувствовать себя немного ошеломленным.

— В таком случае. — искренне сказал Е Лихэнь. — Я определенно не буду играть с тобой в азартные игры.

— Я могу научить тебя жульничать. Конечно, перед этим я покажу тебе, как выглядят игральные кости. — от души рассмеялся Бай Цзиншу.

— Кто из твоих соучеников больше всего любит играть в азартные игры? — внезапно кое о чем подумал Е Лихэнь.

— Кстати говоря, мой пятый младший брат - прирожденный игрок. Если кто-то предлагает пари, будь то на деньги или на что-то еще, он никогда не отказывается. — сказал Бай Цзиншу, а затем небрежно спросил. — Но почему ты спрашиваешь?

— Я ищу возможность заключить с ним пари.

Е Лихэнь говорил с такой серьезностью, что казалось, будто он уже придумал, на что поставить, хотя никогда не встречался с пятым младшим братом Бай Цзиншу.

— На что ты хочешь поставить? — Бай Цзиншу не мог не наблюдать за ним с любопытством.

— Я хочу поспорить, что через три дня после того, как мы достигнем горы Жэньван, кто-нибудь придет на гору Жэньван...

Прежде чем он смог закончить, Е Лихэнь внезапно предпринял неожиданную атаку, вытащив кинжал из рукава и нацелив его в жизненно важное место Бай Цзиншу.

Цзян Чэн, который подошел, чтобы найти Бай Цзиншу и приготовиться к отъезду, издали увидел, что Е Лихэнь ударил Бай Цзиншу ножом в левую часть груди.

Из груди Бай Цзиншу быстро потекла темно-коричневая кровь.

— Цзиншу!

Пораженный неожиданным поворотом событий, Цзян Чэн не успел вмешаться и инстинктивно вскрикнул.

Услышав его голос, Е Лихэнь поднял голову. Появление Цзян Чэна, мастера фехтования,

заставило его отказаться от дальнейших атак. Прежде чем Цзян Чэн смог добраться до него, Е Лихэнь быстро воспользовался своим цингуном и сбежал, не выказывая никаких признаков телесных повреждений.

У Цзян Чэна не было времени преследовать его. Он быстро бросился к своему упавшему племяннику, который был едва в сознании.

— Цзиньшу, как ты?

Правая рука Бай Цзиньшу инстинктивно легла на кинжал, торчащий из его груди.

— Я вовремя увернулся, избежав попадания в жизненно важное место, но мне не больно. Похоже, кинжал отравлен. — прерывисто ответил он слабым голосом.

Обеспокоенный Цзян Чэн уже собирался осмотреть рану Бай Цзиньшу, как вдруг его рука, державшая кинжал, сделала движение, направив его прямо в горло Цзян Чэну.

Даже обладая лучшими боевыми навыками в мире, было бы трудно избежать внезапной атаки с близкого расстояния. Однако Цзян Чэн отреагировал без колебаний. в мгновение ока перехватив лезвие кинжала.

— Цзиньшу, что происходит?

Цзян Чэн нахмурился, спрашивая своего, казалось бы, невредимого племянника.

— Воинственный дядя, Цзиньшу проявил неуважение, пытаясь испытать вас. — попытался выглядеть смиренным и извиняющимся Бай Цзиньшу.

— Это была не его идея. Я придумал это. — поправил заявление Бай Цзиньшу Е Лихэнь, который уже вернулся.

Цзян Чэн переводил взгляд с одного на другого и наконец беспомощно покачал головой:

— Это тоже традиция школы Жэньван. Я не виню вас. — затем он повернулся к Е Лихэню. — Сяо Е, судя по твоему цингуну, твои внутренние повреждения зажили?

— Примерно на восемьдесят-девяносто процентов.

— Это хорошо. — ободряюще кивнул Цзян Чэн.

Цзян Чэн не знал, насколько серьезными были внутренние повреждения Е Лихэня, поэтому он не был удивлен. Бай Цзиньшу, который ранее проверил рану Е Лихэня, был весьма удивлен. Действия Е Лихэня заранее не обсуждались, и Бай Цзиньшу импровизировал. Он впервые узнал, что внутренняя травма Е Лихэня в основном зажила.

Бай Цзиньшу было любопытно, какой вид совершенствования внутренней энергии практиковал Е Лихэнь, но он не стал спрашивать в присутствии Цзян Чэна.

Не подозревая о мыслях Бай Цзиньшу, Цзян Чэн взглянул на выдвижной пружинный кинжал в своей руке, прежде чем вернуть его Бай Цзиньшу:

— Если ты удовлетворен, мы можем отправляться?

После этого путешествие на гору Жэньван прошло для них троих без происшествий. Это было

первое возвращение Бай Цзиньшу на гору Жэньван за два года, и Цзян Чэн, вероятно, тоже не посещал гору некоторое время. Их появление привело в восторг последователей школы Жэньван.

Сначала Бай Цзиньшу отправился засвидетельствовать почтение своему наставнику, а Цзян Чэн приятно поболтал со своим старшим братом, лидером школы.

За это время Бай Цзиньшу представил Е Лихэня своему наставнику, но смог лишь упомянуть его имя. Глава школы горы Жэньван знал о сдержанном поведении Бай Цзиньшу и не стал настаивать.

После того, как Бай Цзиньшу и Е Лихэнь покинули комнату лидера школы, как и ожидал Бай Цзиньшу, но вопреки его надеждам, его младшая сестра Линь Лин, которая недавно ушла, не сказав ни слова, ждала снаружи.

— Старший брат, я хочу кое-что сказать тебе наедине.

Взгляд Линь Лин, устремленный на Е Лихэня, был немного странным.

Бай Цзиньшу не был уверен, какими были его отношения с Е Лихэнем сейчас и как другие воспринимали их. Когда он представил Е Лихэня своему наставнику как друга, он почувствовал, что это не совсем точно. Его наставник не обращал особого внимания на такие детали, поэтому от него отмахнулись.

Теперь, когда Линь Лин посмотрела на Е Лихэня, Бай Цзиньшу почувствовал, что между ним и Е Лихэнем есть что-то другое, но вместо беспокойства он почувствовал уверенность.

— Старший брат? — снова спросила Линь Лин, поскольку Бай Цзиньшу молчал.

Несмотря на то, что Бай Цзиньшу и раньше говорил резко, он не смог отказать своей младшей сестре в простой просьбе. Он взглянул на Е Лихэня не для того, чтобы спросить совета, а по привычке.

— Я пойду поброжу там. — указал на отдаленное место и сказал Е Лихэнь, и тогда Бай Цзиньшу почувствовал необъяснимое облегчение и уверенность, он повернулся и кивнул в ответ своей младшей сестре.

После того, как Е Лихэнь ушел, Линь Лин повела Бай Цзиньшу в бамбуковую рощу за горой.

Обычно разговорчивая младшая сестра была необычно молчалива, опустив голову. Бай Цзиньшу, не зная, в каком настроении она находится, не знал, что сказать, поэтому просто тихо последовал за ней.

Когда Линь Лин нашла достаточно уединенное место, она остановилась и посмотрела на Бай Цзиньшу, сказав таким тоном, словно приняла решение:

— Старший брат, ты и Е Лихэнь, вы...?

Вопрос был двусмысленным, и, честно говоря, сам Бай Цзиньшу не был уверен в ответе.

Однако, когда он без особых колебаний кивнул и ответил «да», это было сделано не только для того, чтобы успокоить Линь Лин. Ответ показался ему естественным.

Линь Лин, которая, казалось, ожидала такого ответа, все же несколько раз изменила

выражение лица.

После минутного колебания она посмотрела прямо в глаза Бай Цзиньшу с беспокойством и настойчивостью:

— Старший брат, я знаю, что не должна плохо отзываться о других, но, боюсь, ты не видел... некоторых вещей ясно.

Нерешительность Линь Лин заставила Бай Цзиньшу слегка нахмуриться. Он уловил скрытый смысл в ее словах и успокоил ее:

— Лин-эр, просто говори все, что хочешь.

Несмотря на эту уверенность, Линь Лин на мгновение заколебалась, прежде чем заговорить:

— Старший брат, я просто чувствую, что необходимо рассказать тебе о том, что я услышала. — она глубоко вздохнула и начала. — Несколько дней назад я встретила одного из охранников моей семьи, и он рассказал мне об этом... Недалеко от моего дома, за городом Чанъань, есть группа бандитов. Конечно, эти бандиты определенно нехорошие люди и натворили много зла. Однако недавно их оплот, возможно, был стерт с лица земли. Десятки людей, в том числе женщины и дети, были убиты. Говорят, что кто-то видел преступника...

Бай Цзиньшу промолчал.

Он не упомянул, что его встреча с Е Лихэнем была связана с этими бандитами, и не упомянул, что Е Лихэнь сказал, что хочет преподать им урок. Он также не упомянул о мыслях, которые пронесли в его голове в тот момент.

— Свидетель сказал, что это был молодой человек, лет пятнадцати-шестнадцати, одетый в красивую одежду, с лицом красивее, чем у женщины, и превосходными боевыми навыками. — тяжело продолжила Линь Лин.

Бай Цзиньшу выслушал это подтверждение своих подозрений, но не согласился с выводом.

— Нет никаких доказательств, Лин-эр. Не думай слишком много.

— Старший брат, я тоже не хочу лишнее думать. — быстро кивнула Линь Лин. — Я просто почувствовала, что тебе необходимо знать. Не волнуйся, я больше никому об этом не расскажу.

— Спасибо, Лин-эр.

— Старший брат... — снова заколебалась Линь Лин.

Бай Цзиньшу был несколько рассеян, заставляя себя сосредоточиться:

— Есть что-нибудь еще, Лин-эр?

— Старший брат, ты..... избегаешь меня из-за прошлого раза?

— Почему я должен избегать тебя? — попытался улыбнуться Бай Цзиньшу. — Неужели я должен бояться своей умной и очаровательной младшей сестры?

Впервые за сегодняшний день на обычно веселом лице Линь Лин появилось счастливое выражение:

— Старший брат, я больше не буду избегать тебя, и ты тоже не должен избегать меня. Ты все еще мой старший брат, верно?

— До тех пор, пока наставник не выгонит меня из школы за то, что я был слишком озорным, я всегда буду твоим старшим братом. — утвердительно кивнул Бай Цзиншу.

— Тогда решено, старший брат. — расслабилась и улыбнулась Линь Лин.

— До тех пор, пока ты снова не уйдешь, не сказав ни слова.

На лице Линь Лин появился легкий румянец.

— Старший брат, ты дразнишь меня! — пожаловалась она.

— Ладно, ладно, это была моя ошибка.

— Но, старший брат, тебе всегда нравилось дразнить других. На этот раз, когда ты вернулся, даже наш седьмой младший брат и маленький племянник попросили остерегаться тебя.

В данный момент Бай Цзиншу не собирался предаваться воспоминаниям о прошлом. Он был настроен найти Е Лихэня и развеять сомнения, которые тенью таились в его сердце.

Увидев, что Линь Лин закончила говорить, он мягко прервал разговор:

— Лин-эр, мы ненадолго останемся на горе, чтобы собраться всем вместе и поболтать. У меня сейчас есть кое-какие дела, так что, может, поговорим позже?

— Ладно, не буду тебя больше задерживать, старший брат. — Линь Лин тактично закончила разговор, догадавшись, что Бай Цзиншу имел в виду под «делами», и бросив на него слегка обеспокоенный взгляд.

Бай Цзиншу старался сохранять спокойствие, прощаясь со своей младшей сестрой, но на самом деле он был встревожен, направляясь к южному склону горы Жэньван куда, по словам Е Лихэня, он собирался отправиться один.

Добравшись до южного склона, Бай Цзиншу сначала никого не обнаружил, но смутно услышал звук вынимаемого меча со стороны Утеса Влюбленного.

У Е Лихэня не было оружия, но, возможно, кто-то другой использовал меч против него. Несмотря на веру в мастерство Е Лихэня, Бай Цзиншу быстро использовал свой цингун, чтобы броситься к Утесу Влюбленного.

Гора Жэньван никогда не славилась своей высотой, и Бай Цзиншу быстро добрался до Утеса Влюбленного.

Однако он опоздал.

У Бай Цзиншу не было времени вмешаться. Когда он прибыл, то увидел, что его пятый младший брат, Мо Фэйсяо, и Е Лихэнь дерутся у края обрыва.

Е Лихэнь, используя ветку в качестве оружия, едва увернулся от меча Мо Фэйсяо, но потерял равновесие на краю обрыва. Падая вместе с расшатавшимися камнями, Е Лихэнь не смог удержаться и сорвался вниз со скалы.

— Сяо Ли!

Бай Цзиншу вскрикнул, его сердце бешено колотилось от страха, почти разрываясь на части. У него не было времени подумать рационально, например, о том, как Е Лихэнь с его превосходящими способностями мог быть поражен его пятым младшим братом.

С другой стороны, увидев, что Е Лихэнь падает, Мо Фэйсяо тоже был поражен. Он инстинктивно прыгнул вперед, отбросив свой меч, чтобы схватить Е Лихэня за руку.

К удивлению Мо Фэйсяо, Е Лихэнь, который использовал технику «Прыжка с пол тысячной высоты», чтобы подготовиться к падению, ловко выскользнул из его хватки. Сделав поворот, Е Лихэнь легко приземлился позади него.

Бай Цзиншу, который еще не успел осознать, что произошло, быстро подошел к Е Лихэню и оттащил его от края обрыва.

Мо Фэйсяо на мгновение остолбенел, затем внезапно все понял и громко рассмеялся:

— Какой хитрый ход! Это действительно было в пределах трех ходов!

Все еще немного потрясенный, Бай Цзиншу не понял, казалось бы, бессмысленных слов:

— Какие три хода?

— Старший брат, твой друг действительно хитер. Он поспорил со мной, что, используя ветку против моего меча, сможет обезоружить меня за три хода. — весело объяснил Бай Цзиншу Мо Фэйсяо.

Хотя боевые навыки Е Лихэня были развиты, а его движения были быстрыми и яростными, обезоружить Мо Фэйсяо за три хода было слишком амбициозно. Если бы Мо Фэйсяо не недооценил его, он определенно не смог бы сделать это за три хода.

Однако Мо Фэйсяо недооценил не навыки Е Лихэня, а его тактику.

Бай Цзиншу наконец понял, что кажущаяся близость падения Е Лихэня на самом деле была уловкой, чтобы заманить врага. Это заставило его сильно нахмуриться и пристально посмотреть на Е Лихэня:

— Ты думал о последствиях, если потерпел бы неудачу?

Е Лихэнь опустил голову, притворяясь послушным.

— Я действительно был слишком безрассуден и не должен был этого делать.

— В прошлый раз, когда ты намеренно приставил меч к спине, чтобы расправиться с тем убийцей, ты также признал свою ошибку. Ты действительно думал, что был неправ? Какой смысл признавать свою ошибку? Ты изменишься? — Бай Цзиншу был поражен.

Е Лихэнь внимательно посмотрел на Бай Цзиншу и тихо произнес:

— Не сердись. Я не знал, что ты так расстроишься. Если бы я знал, я бы этого не сделал.

Слова Е Лихэня, как правило, были убедительными, что немного успокоило Бай Цзиншу. Наконец, он заметил, что рядом стоит его пятый младший брат.

— Кстати, Фэйсяо, ты издевался над другом своего старшего брата? Почему ты поспорил с Сяо Ли?

— Старший брат, будь благоразумен. — выглядел ошеломленным Мо Фэйсяо. — Стал бы я наугад спорить с кем-то на то, смогу ли я продержаться три хода?

Поразмыслив, Бай Цзиньшу вынужден был признать логику и повернулся к тому, кто был инициатором пари.

— На что ты поставил?

— На пятьдесят воробьев.

— ...Что? — Бай Цзиньшу был ошеломлен простыми словами.

— Ты ранее упомянул, что мы с тобой пойдем ловить воробьев. Я догадался, что тебе, должно быть, нравятся воробьи, поэтому попросил Героя Мо помочь поймать их. — терпеливо объяснил Е Лихэнь.

Бай Цзиньшу скептически взглянул на человека, который, казалось, не был таким уж инфантильным. Е Лихэнь, заметив его пристальный взгляд, на мгновение задумался и ответил беспечной улыбкой.

— Молодой господин Е, пари есть пари. — прочистил горло Мо Фэйсяо. В следующий раз я выиграю! А теперь, старший брат, я пойду поймаю для тебя эти пятьдесят воробьев и откланяюсь!

Бай Цзиньшу наблюдал, как его пятый младший брат необычно быстро исчез. Как только они остались одни, тяжесть в его сердце вернулась. Пока он не был уверен, как начать разговор, Е Лихэнь, заметив выражение его лица, заговорил первым:

— Ты хочешь меня о чем-то спросить?

Бай Цзиньшу задумался, как подойти к этой теме.

— Ты помнишь бандитов, которые пытались ограбить тебя, когда мы впервые встретились?

— Я помню.

Бай Цзиньшу избегал главного вопроса, сосредоточившись на тривиальных деталях:

— Почему ты тогда притворился побежденным?

— Я просто хотел проверить, как эти бандиты поступили бы с более слабым человеком. Если бы они проявили милосердие, я, возможно, пощадил бы их. Если бы они применили силу к слабому, я бы тоже не проявил милосердия.

Рассуждения Е Лихэня были здравыми, но человеческие жизни нельзя было списать со счетов простым объяснением.

— ...Итак, ты убил всех в той крепости? — спросил Бай Цзиньшу после паузы.

Е Лихэнь посмотрел на Бай Цзиньшу с неизменным выражением лица:

— Я их не убивал.

Бай Цзиньшу хотел верить ему. Е Лихэнь никогда не лгал ему, и он надеялся, что тот не лжет сейчас тоже.

Е Лихэнь заметил выражение лица Бай Цзиньшу и, поколебавшись, добавил:

— Если бы ты тогда не вмешался, я, возможно, кастрировал бы этих девятерых человек и искалечил их боевые искусства, но это было пределом моего плана.

Е Лихэнь был горд по натуре, и даже если бы он знал, что его подозревают, он бы никогда не снизошел до дальнейших объяснений. Но сейчас он говорил искренне, и Бай Цзиньшу не знал, как судить.

Наблюдая за взрослением Линь Лин, Бай Цзиньшу мог поручиться, что его простая и честная младшая сестра не лгала. Конечно, кто-то мог обмануть Линь Лин. Слухи, которые она передавала, могли быть ложными, но если кто-то солгал Линь Лин, это было возможно.

Однако Е Лихэнь не имел никакого влияния на какие-либо предстоящие события, и у него не было никаких корыстных интересов ни с кем. В такой ситуации, зачем кому-то брать на себя труд подставлять его? Это было бы бесполезно.

Следовательно, ситуация, описанная Линь Лин, скорее всего, действительно имела место. Если Е Лихэнь не был виновником, то должен был быть другой молодой человек такого же возраста, внешности и боевых навыков, который случайно оказался в городе Феникс в то время и устроил резню в крепости.

Даже если бы такой человек существовал, почему он оказался в городе Феникс именно в этот момент?

Бай Цзиньшу хотел верить Е Лихэню. Он пытался убедить себя, что Е Лихэнь не был способен на такие жестокие поступки. Однако вся логика противоречила его желанию.

В течение этого времени, хотя Бай Цзиньшу и Е Лихэнь были почти неразлучны, в первую ночь, когда они столкнулись с бандитами, Е Лихэнь действовал в одиночку. Его спровоцировали ранее, и он был сильно взволнован, и, возможно, тогда он позаботился о крепости бандитов.

Возможно, причина, по которой Е Лихэнь отрицал это в присутствии Бай Цзиньшу, заключалась в том, что он боялся разочаровать его и, следовательно, не осмеливался признаться в этом.

Бай Цзиньшу молча посмотрел на Е Лихэня, который оставался спокойным и собранным.

Познакомившись с ним поближе, Бай Цзиньшу почувствовал намек на беспокойство в внешне спокойном поведении Е Лихэня, что смягчило его сердце.

Люди в мире боевых искусств живут среди опасностей, и никакие законы ими не управляют. Бандиты совершают злодеяния, а кто-то наказывает их. Это простой цикл. Если обращаться с ними мягко, это можно считать справедливостью.

Хотя Е Лихэнь был чрезмерно суров и безжалостен, учитывая его юный возраст, на него, возможно, повлияли плохие примеры. По натуре он был неплох, и при должном руководстве

мог изменить свои холодные и безжалостные наклонности.

В душе Бай Цзиншу уже сформировалось убеждение, что они с Е Лихэнем, скорее всего, останутся вместе в будущем. Размышляя об этом, он понял, что Е Лихэнь не совершал никаких тяжких преступлений и, по сути, действовал как мститель.

Он решил, что будет следить за Е Лихэнем и сдерживать свои действия, не желая раскрывать его ложь в данный момент.

— Если даже это был не ты. — беспечно ответил Бай Цзиншу. — Бандиты действительно достойны презрения, но это не значит, что они заслужили уничтожения.

Е Лихэнь, всегда проницательный, мог с уверенностью сказать, что уклончивые слова Бай Цзиншу не были искренними. Однако он просто спокойно кивнул:

— Главное, что ты мне веришь.

<http://bllate.org/book/14305/1266042>